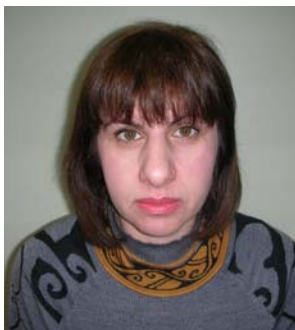

УДК 391(470.67)

М.М. Шахбанова

M.M. Shakhbanova

**ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
НА ЭТНИЧЕСКОМ
САМОЧУВСТВИИ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ
ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ**

**INOCULTURAL INFLUENCE
AND ITS REFLECTION ON
ETHNIC HEALTH OF
DAGESTAN'S MINORITY
PEOPLES**

В статье анализируются процессы инокультурного влияния на этническое самочувствие малочисленных дагестанских народов, а также существующие в общественном сознании оценки иноэтнического влияния.

The article analyzes the processes of inocultural influence on ethnic health of the minority Dagestan peoples and the estimates of inoethnic influence, existing in public consciousness.

Ключевые слова: инокультурное воздействие, малочисленные народы, этнический статус, этническая культура.

Key words: inocultural influence, minority peoples, ethnic status, ethnic culture.

М.М. Шахбанова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (г. Махачкала).
E-mail: madina2405@mail.ru

M.M. Shakhbanova

The Candidate of Philosophical sciences, the senior researcher of Sociology Department of History, Archeology and Ethnography Institute of the Dagestan Scientific Centre, RAS (Makhachkala).
E-mail: madina2405@mail.ru

© Шахбанова М.М., 2012

© Shakhbanova M.M., 2012

В современный период определенное влияние на этническое самочувствие народов оказывают социально-экономические, политические преобразования в обществе, глобализационные процессы, многонациональная или мононациональная среда проживания. Сила воздействия каждого из них усиливается в зависимости от ситуации, в свою очередь, усиливая этническую идентичность, особенно у малых по численности народов, которые, по сравнению с крупными по численности этносами, сильнее ощущают последствия трансформаций. Исследователи придерживаются мнения, что большую угрозу малочисленным народам несет глобализация, поэтому этноменьшинства в силу объективных обстоятельств склонны делать акцент на своей этнической принадлежности.

Глобализацию можно охарактеризовать как экстраполяцию либерально-демократических ценностей на все регионы без исключения, при этом наблюдается небывалый масштаб взаимозависимости государств, политические, экономические, правовые системы всех стран мира постепенно становятся идентичными и «мировая практика свидетельствует о том, что обозначенные процессы протекают болезненно, в связи с тем, что этническое возрождение, усиление традиционализма как теории и практики, усиленное подчеркивание народами, государствами своей этнической самобытности и специфичности являются своеобразными препятствиями на пути глобализации» [1].

Последствиями глобализационных процессов являются коренная трансформация национального уклада и образа жизни людей, возрастание миграционных процессов, унификация этнокультур, противостояние между народами, игнорирование национальных интересов, культур, конфессий и т.д. На Северном Кавказе исторически оформилось достаточно самобытное социокультурное пространство, генезис которого уходит к историческим корням возникновения кавказских этносов на Земле. Каждый этнос имеет свою культурную модель существования – мировоззренческую картину, которая обуславливает характер отношений человека к миру [2].

Советский период отечественной истории сложился различным образом у разных народов Северо-Кавказского региона. В этот период народы региона стали частью мировой культуры через русский язык, и потому – частью по-своему глобального мира. Вместе с тем эти народы не всегда имели возможность и потребность для развития своего языка и своих культурных традиций. Последнее стало причиной многих проблем, часть из которых обострилась из-за ошибок властных структур в период «перестройки» и радикальных социально-экономических реформ начала 90-х годов XX столетия.

Социально-экономические, политические преобразования постсоветского периода поставили малочисленные дагестанские народы в сложную

ситуацию. С одной стороны, рост этнической идентичности и требование придать им самостоятельный этнический статус, с другой стороны, слабость экономического развития республики, которая не позволяла им в полной мере реализовывать свои права и требования. В таких условиях глобализация становится «опасной» для малочисленных этносов, усиливается страх «раствориться» в иных крупных народах в период усиления миграционных процессов, «смешивающих» народы, культуры, языки. Соответственно возрастает значимость сохранения этнокультурной самобытности, национального языка, традиций, обычаев и т.д. Особенно такие проблемы проявляют себя в отношении тех малочисленных этносов, которые в силу объективных и субъективных причин не в состоянии более сохранять национально-специфическое своеобразие, им приходится противостоять натискам этнокультур с большей численностью, вынуждая их не только направлять свои усилия на сохранение национального своеобразия, но и противостоять иноэтническому влиянию, могущему привести к размыванию их этнической идентичности. Малочисленные народы вынуждены бороться за свою национальную идентичность, поэтому «глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности» [3]. С другой стороны, «отношение к малочисленным народам – своеобразный индикатор зрелости культуры, поскольку оно показывает, как ведут себя “большие”, многочисленные народы, по отношению к немногочисленным народам, во многих отношениях исторически зависимых от них» [4].

В поликультурном пространстве невозможно избежать взаимодействия и взаимовлияния народов и культур, следовательно, каждый народ вырабатывает свой путь вхождения в многонациональное сообщество, одновременно сохраняя культурную самобытность. На фоне изменений общества проявляет себя и процесс культурного заимствования. Глобальные трансформации современного мира делают невозможной этническую изоляцию, соответственно, возникает потребность в выработке механизма и способов адаптации к ней. Вместе с тем нужно учесть, что сохранение этнического своеобразия и самобытности не предполагает консервацию национальных традиций, а подразумевает укрепление ядра этнокультуры с учетом существующих инноваций.

Следует иметь в виду, что не все ценности формируются, изобретаются, многие могут быть просто заимствованы у других культур. Одни ценности легко и гармонично вписываются в заимствующую культуру, другим необходимо определенное время для «приживания», а третьи вообще не принимаются этносом. Культуре свойственен процесс модернизации, только интенсивность его может быть различной в зависимости от потребностей и условий окружения. При распаде внешних норм ценностей ядро ее может остаться неизменным, но последнее зависит от того,

насколько сильно оно защищено эмоциями, представлениями и важностью для каждого представителя народа. В такой ситуации закономерно возникает опасность инокультурного влияния, ощущение исходящей со стороны более мощных этнокультур угроз, которая может обесценить этническую культуру не только крупных, но и малых этнических групп. Высказывание опасений иноэтнического воздействия является одним из признаков кризиса этнической идентичности. Особенно сильно они проявляются при существовании угрозы ассимиляции, о чем довольно часто говорят представители этнических меньшинств. Реальным и приемлемым выходом может послужить создание возможностей для полнокровного развития этнокультуры малочисленных народов, допускающей позитивное отношение к инокультурному влиянию и существование культурных систем, подпитываемых из разнородных источников.

Искусственное и неоправданное форсирование процессов сближения дагестанских этносов, характерное для социалистического периода развития республики, способствовало маргинализации малочисленных народов, которые в силу объективных и субъективных факторов оказались приобщены к этнической культуре численно превосходящих народов, что способствовало частичной утрате их национальной самобытности. Однако, несмотря на многие трансформации, малые этносы сумели сохранить свой национальный язык и этническую специфику.

В данной статье на основе результатов социологических исследований излагается отражение инокультурного влияния на этническом самочувствии малочисленных дагестанских народов.

Малочисленными дагестанскими народами являются этносы, входящие в состав андо-цезской группы (андийцы, ахвахцы, багулалы, бежтины, ботлихцы, годоберинцы, генухцы, гунзибцы, дидойцы, каратинцы, тиндинцы, чамалалы, хваршины; в эту же группу включены арчинцы, в языковом отношении близкие к лезгинам, но географически соседствующие с аварцами), даргинской группы (кайтагцы, кубачинцы) и лезгинской группы (агулы, рутульцы, цахуры). Народы, относящиеся по лингвистической классификации к лезгинской группе, являются титульными народами республики в отличие от народов, входящих в состав андо-цезской группы (официально записаны аварцами, несмотря на их самоидентификацию), и включенные в состав даргинцев кубачинцы и кайтагцы.

Характеристика социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности малочисленных дагестанских народов было проведено в 2011 г. в районах их компактного проживания: Агульском (сс. Хутхул, Тпиг), Ахвахском (сс. Карата, Тадмагитль), Ботлихском (сс. Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери), Бабаюртовском (сс. Новый Борч, Кальял), Кайтагском (сс. Маждалис, Джирбачи), Дахадаевском (с. Кубачи), Рутульском (с. Кина (рутульцы),

с. Гемлец (цахуры), Цумадинском (сс. Верхнее Гаквари, Тинди, Хонох, Хварши, Тинди, Хуштада), Цунтинском (сс. Кидеро, Гутатли Генух, Зехида), Чародинском (с. Арчиб) районах, на Бежтинском участке (сс. Бежта, Гунзиб). Методом случайного отбора были опрошены в андо-цезской группе 1456 чел, даргинской – 255 человек и лезгинской – 512 человек.

В любом полиэтническом сообществе неизбежны культурные взаимодействия и иноэтническое влияние, и в ответах на вопрос: «Какое влияние имеет национальная культура других народов на вашу национальную культуру?» выявляется оценка малочисленными народами инокультурного влияния.

Опрошенные выделяют позитивные и негативные результаты инокультурного воздействия. Так, в общественном сознании представителей андо-цезской (36,7 %), лезгинской (26,7 %) и даргинской (26,0 %) групп доминирует позитивная оценка инокультурного влияния – «чужая культура способствует духовному обогащению моего народа»; усматривают отрицательные последствия инокультурного влияния – «чужая культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего народа» – в лезгинской (18,1 %) и андо-цезской (10,9 %) группах, при этом конкретизируют, что «чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения» (лезгинская – 17,4 %, андо-цезская – 15,8 %). В отличие от них небольшая доля кубачинцев и кайтагцев отметила негативные последствия иноэтнического влияния: «чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения» (6,8 %), «чужая культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего народа» (9,4 %); далее андо-цезская (23,3 %), даргинская (10,9 %) и лезгинская (9,0 %) группы оценивают инокультурное воздействие «положительно, ибо знакомство с чужой культурой способствует формированию терпимости между народами». По всему массиву затруднившихся ответить таких больше среди агулов (32,4 %) и кубачинцев (28,5 %).

По мнению годоберинцев (80,4 %), генухцев (73,6 %), каратинцев (47,2 %), тиндинцев (41,6 %), кайтагцев (41,0 %), андийцев (40,6 %), хваршин (35,9 %), рутульцев (31,9 %), ахвахцев (31,4 %), гунзибцев (29,3 %), кубачинцев (27,3 %), чамалалов (26,3 %), цахур (26,3 %) и агулов (21,6 %), чужая культура способствует духовному обогащению их народа; при этом агулы (12,6 %), арчинцы (22,2 %), цезы (32,0 %), бежтины (36,3 %), каратинцы (52,8 %) придерживаются суждения, что «знакомство с чужой культурой способствует формированию терпимости между народами». Однако цезы (35,3 %), багулалы (30,0 %), ботлихцы (27,0 %), цахуры (24,9 %), чамалалы (23,8 %) и кайтагцы (11,1 %) отметили негативные последствия инокультурного влияния – «чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения». По мнению

багулалов (23,3 %), ахвахцев (18,6 %), кубачинцев (16,4 %) и кайтагцев (14,5 %), «чужая культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего народа».

При конкретизации вопроса: «Существует ли угроза для вашей национальной культуры?» в лезгинской (28,1 %) и андо-цезской (26,1 %) группах преобладают такие суждения: «национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость», «влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа» (лезгинская – 19,8 %, андо-цезская – 26,1 %), «национальная культура моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов» (лезгинская – 15,5 %, андо-цезская – 10,8 %); на отсутствие угрозы от иных этнокультур («национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияние чужой национальной культуры») указали 23,7 % в лезгинской и 12,6 % в андо-цезской группах; придерживаются позиции «из чужих национальных культур культура моего народа берет только самое лучшее» 16,9 % в лезгинской и 22,2 % в андо-цезской группах.

В отличие от представителей лезгинской и андо-цезской группы, даргинская группа считает, что угрозы для их этнокультуры не существуют: «национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияния чужой национальной культуры» (27,1 %) и «из чужих национальных культур культура моего народа берет только самое лучшее» (22,7 %). При этом на исходящую от инонациональных культур угрозу – «национальная культура моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов» – указывают 9,0 % опрошенных, 17,6 % – «национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость» и 18,0 % – «влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа».

По этнической принадлежности разделяют позицию, что национальная культура их народа теряет свою самобытность и неповторимость, генухцы (74,7 %), годоберинцы (56,5 %), рутульцы (38,9 %), гунзибцы (30,4 %), ахвахцы (28,8 %), цахуры (28,3 %) и кубачинцы (21,1 %); каратинцы (74,5 %), багулалы (68,3 %), чамалалы (40,0 %), хваршины (39,2 %), кайтагцы (28,2 %) и ботлихцы (28,0 %) усматривают последствия инокультурного влияния в том, что оно «мешает развитию национальной культуры их народа»; уверены в возможностях своей этнокультуры («национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияние чужой национальной культуры») агулы (45,9 %) и кубачинцы (32,3 %).

По сравнению с другими опрошенными, среди цезов (35,3 %) и рутульцев (23,9 %) выше доля отмечающих, что «национальная культура

моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов». Позитивное влияние инонациональной культуры – «из чужих национальных культур, культура моего народа берет только самое лучшее», выражено в установках цахур (19,5 %), бежтин (28,6 %), хваршин (30,3 %), цезов (35,3 %), тиндинцев (36,4 %) и арчинцев (37,0 %). Таким образом, для общественного сознания опрошенных народов характерны оценки от негативного воздействия национальной культуры до ее положительного влияния, что свидетельствует о неоднозначности сложившейся ситуации.

В нашем опросе изучались последствия присоединения андоцезских народов к аварцам и кубачинцев и кайтагцев к даргинцам, его отражение на их этническом самочувствии. Выявлено, что в общественном мнении преобладают две позитивные позиции: «присоединение никак не повлияло на наше положение, ибо мы сохранили свой национальный язык и культуру» (андо-цезы – 33,9 %, даргинская группа – 34,4 %) и «мы сохранили не только свой язык, но и приобщились к аварскому языку и культуре» (андо-цезы – 31,2 %) и «мы сохранили не только свой язык, но и приобщились к даргинскому языку и культуре» (даргинская группа – 21,1 %). Наряду с этим респонденты указали на негативные последствия, в частности, на то, что они начали утрачивать «национальный язык» (андо-цезы – 11,5 %, даргинская группа – 10,6 %) и «национальные традиции и обычаи» (андо-цезы – 19,8 %, даргинская группа – 12,8 %). Отметивших вариант «мы начали утрачивать наши национальные традиции и обычаи» среди генухцев составляет 75,9 %, цезов – 35,3 %, ботлихцев – 22,2 %, кайтагцев – 16,4 %; процесс утрачивания родного языка характерен цезам (26,7 %), тиндинцам (20,8 %), андийцам (18,8 %) и кайтагцам (18,0 %).

Представители даргинской группы не согласны с тем, что против их воли они были присоединены к даргинцам (36,6 %); доля положительно ответивших на этот вопрос почти в 3 раза ниже (11,3 %), затруднились ответить 26,4 %. Кубачинцы (38,5 %) и кайтагцы (33,6 %) разделяют суждение, что их народ не был включен в состав даргинцев против их воли, хотя относительно большая часть кайтагцев (12,3 %) разделяет тезис об их насильственном присоединении к даргинцам; затруднившихся ответить больше среди кубачинцев (33,8 %). Андо-цезские народы также не согласны с тем, что они были насильственно присоединены к аварцам (51,2 %), и доля разделяющих мнение о принудительном включении их в состав аварцев в 2 раза ниже (26,3 %).

Таким образом, можно констатировать, что в общественном сознании кубачинцев и кайтагцев отсутствует как констатация негативного инокультурного влияния, так и усмотрение отрицательных последствий присоединения их к даргинцам. Однако небольшая доля опрошенных от-

мечает отрицательные моменты иноэтнического влияния, которые разрушают их традиционный уклад, и такая картина характерна не только для малочисленных, но и для крупных дагестанских народов.

Для полиэтнических государств актуализирован поиск механизмов мирного сосуществования различных этнокультур в рамках единого государства, направленный на сохранение его единства и целостности. Механизм внутригрупповой и внешнегрупповой защиты включается тогда, когда представители данной этнической общности видят в характере этнокультурных контактов с другой этнической общностью угрозу существованию собственной группы как целостного субъекта взаимодействия, исходящую от далекой по внутренним признакам культуры. К числу таких признаков, видимо, можно отнести ценности, составляющие духовную надстройку общества, в которой концентрируются психологические основы жизнедеятельности, идеалы и стремления. Основная цель действия суггестивных механизмов в подобной ситуации – «максимально ослабить инокультурное влияние, ведущее к распаду данной культурной идентичности, обладающей меньшими размерами и большой плотностью контактов с представителями данной культуры» [5].

На начальном этапе присоединение андо-цезских народов к численно превосходящим аварцам, а кубачинцев и кайтагцев к даргинцам было обусловлено отсутствием у советской власти экономических возможностей для одновременного решения вопросов по социально-экономическому и культурному развитию всей республики. Необходимость всеобщего обучения дагестанских народов сталкивалась с проблемой создания для них алфавитов, поэтому андо-цезские народы присоединили к аварцам, кубачинцев и кайтагцев к даргинцам с учетом фактора этнокультурной схожести, с целью быстрого решения вопросов по социально-экономическому и культурному развитию Дагестана. В последующем процесс этнической идентичности малочисленных народов, определения их статуса был довольно сильно политизирован, их национальные проблемы и интересы оказались вне поля зрения государственных органов власти, что негативно сказалось на их этническом самочувствии.

Таким образом, результаты опросов констатируют, что незначительное количество респондентов отметили отрицательное воздействие другой национальной культуры на свою, подчеркивая роль иноэтнического культурного влияния на процессы духовного обогащения и формирования толерантных установок. В такой ситуации вряд ли можно сделать однозначный вывод об ассимиляции и вообще, насколько правомерно говорить об ассимиляции малочисленных народов республики, если они сохранили свой этноним, этническую территорию, национальную культуру, традиционный образ жизни. Вывод может быть такой малочисленные этносы не имеют возможности доступа к власти, отсутствуют условия для

их полноценного развития, сохранения традиционного уклада, а позиция, что малочисленные дагестанские народы с неопределенным этническим статусом (андо-цезские народы и народы, входящие в состав даргинской группы) подвергаются процессу ассимиляции, не соответствует действительности. Если опираться на факты, эти народы, несмотря на свою малочисленность, на то, что ядро их этнической идентификации – язык – остается бесписьменным, сумели сохранить свои этнокультурные ценности и этническое своеобразие.

В ответах на вопрос: «Какая из культур (традиции, обычаи, художественная литература, кино, искусство) вам ближе?» лезгинская (43,1 %), андо-цезская (32,0 %) и даргинская (28,3 %) группы указывают на близость «национальной культуры всех народов Дагестана»; на второй позиции в лезгинской (27,9 %) и андо-цезской (27,2 %) группах располагается «национальная культура только моего народа», в даргинской – на четвертом месте (14,0 %); на второй ступени у даргинской (23,8 %), на третьей у лезгинской (19,3 %), на четвертой у андо-цезских народов (14,8 %) находится «русская культура»; на близость национальных культур тех народов, с которыми они исторически близки, указали в лезгинской 0,9 % («национальная культура лезгинского народа»), 4,5 % в даргинской («национальная культура даргинского народа») и 16,2 % в андо-цезской («национальная культура аварского народа») группах.

Близкими «национальные культуры всех народов Дагестана» считают агулы (79,3 %), генухцы (63,2 %), андийцы (48,5 %), арчинцы (43,2 %), бежтины (41,8 %), тиндинцы (41,6 %), годоберинцы (39,1 %), гунзибцы (33,7 %), кубачинцы (31,5 %), рутульцы (29,2 %), каратинцы (27,4 %), цахуры (27,3 %), кайтагцы (26,2 %) и ахвахцы (23,7 %); предпочтение «национальной культуре только своего народа» отдают цахуры (37,6 %), рутульцы (15,9 %), кайтагцы (15,6 %), агулы (11,7 %) и кубачинцы (11,5 %).

На первой позиции у кубачинцев расположена «русская культура» (33,8 %) в отличие от кайтагцев, которые отдают предпочтение западноевропейской культуре (25,4 %); в андо-цезской группе на близость «русской культуры» указали цезы (34,7 %) и каратинцы (25,5 %). Подмассив лезгинской группы, проживающий в Бабаюртовском районе, предпочтение отдает этнокультуре только своего народа (56,2 %) и почти в 2 раза ниже количество разделяющих суждение «национальные культуры всех народов Дагестана» (34,9 %). Рутульцы и цахуры в Рутульском районе этнокультуру своего народа определили на третьей позиции (15,9 % и 20,7 % соответственно). В большей степени близость аварской культуры ощущают ботлихцы (43,0 %) и гунзибцы (29,3 %).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о прямой связи между типом социальной идентичности и предпочтительностью этнокуль-

туры: превалирование региональной (общедагестанской) идентичности над другими формами идентификации обуславливает предпочтение всех существующих в республике национальных культур.

Инокультурное влияние и раскрытие его последствий требуют выявления этнических проблем малочисленных дагестанских народов (табл. 1).

Таблица 1

Какие особые национальные проблемы существуют у малочисленных народностей Дагестана? (в %)

Варианты ответа	Андо-цезская группа	Даргинская группа	Лезгинская группа
Проблема сохранения и развития родного языка	40,9	70,6	43,4
Проблема сохранения культурного единства	26,5	10,9	35,3
Проблема сохранения самобытности, традиций и обычаев	37,6	45,3	35,5
Проблема религиозного возрождения	28,3	8,3	34,6
Проблема образования своего моноэтнического района	17,9	16,2	21,6
Проблема сохранения территориального единства	30,3	18,5	20,2
Проблема национальных кадров в структурах республиканской власти	29,1	16,6	19,3
Проблема социально-экономического развития	37,1	15,1	17,2
Проблема отсутствует	1,6	14,7	6,5

Из данных таблицы видно, что по этнической принадлежности на важность «сохранения и развития родного языка» указывают кайтагцы (82,0 %), каратинцы (72,6 %), кубачинцы (58,5 %), цахуры (51,2 %), тиндинцы (50,0 %), хваршины (49,0 %), андийцы (48,5 %), рутульцы (46,0 %) и ахвахцы (43,2 %); «проблема сохранения культурного единства» важна багулалам (45,0 %) и цахурам (44,4 %); «проблема сохранения самобытности, традиций и обычаев» актуализирована у генухцев (65,5 %), цезов (62,0 %), арчинцев (54,3 %), кайтагцев (50,0 %), кубачинцев (42,3 %), ру-

тульцев (41,6 %); чамалалы (56,3 %) и цахуры (39,0 %) отмечают «проблему религиозного возрождения»; не меньшее беспокойство у бежтин (48,4 %) и гунзибцев (59,8 %) вызывает «проблема социально-экономического развития».

В современный период значимым становится определение этнического статуса народа, юридическое оформление его положения без ущемления прав иных народов, особенно совместно проживающих. Большой частью в желании малых этносов самоопределиваться усматривают только стремление доступа к власти, к достижению своих узкополитических целей. Разрешить ситуацию можно, по мнению ряда ученых, «восстановлением статуса самостоятельных народов и предоставлением прав национально-культурной (или иной формы) автономии» [6], целью которой является сохранение и развитие этнокультуры, языка, традиций, т.е. создание национально-культурных автономий (в рамках единой государственности, с соблюдением принципа целостности исторически сложившихся этнических консолидаций), основной задачей которых станет возрождение, сохранение и развитие этнической культуры и родного языка, создание письменности на национальном языке, получение и распространение информации на родном языке, организация курсов и кружков по изучению родного языка, истории своего народа, фольклора, издание сборников по фольклору, книг по этнической истории этих народов и т.д. [7]. Однако у Закона «О национально-культурной автономии» есть недостатки. Во-первых, культурная автономия не позволяет этническим сообществам равноправно с титульными группами участвовать в государственном управлении, что автоматически уменьшает возможности развития соответствующих языков. Во-вторых, сама система национально-культурной автономии в том виде, как она представлена в российском законодательстве, имеет существенные противоречия [8].

В заключение необходимо отметить, что обострение проблем малочисленных дагестанских этносов вызвано неблагоприятным экономическим положением в Республике Дагестан, особенностями и спецификой развития высокогорных районов, в которых малочисленные народы проживают, состоянием межэтнических отношений в республике: «...в конце XX – начале XXI вв. интерес к истории своего народа, его культурным ценностям и традициям пробудился у всех народов Дагестана. Однако в каждой эпохе наблюдается искусственная консолидация малочисленных этносов вокруг многочисленных народов... Они могут исчезнуть как этносы, если государство не примет меры по сохранению этого уникального звена этнографической цепи» [9].

Совершенно правомерна точка зрения Л. Лазаревой, несмотря на то, что она относится к дидойцам, но ее можно распространить и на другие малые дагестанские народы: «...дидойцы считаются одной из народностей Дагестана, родственной аварской группе, но язык, обычаи и традиции этого народа уникальны и неповторимы. В ходе исторического разви-

тия небольшая по численности народность показала невероятную жизнестойкость, сумев в тяжелейших условиях сохранить свой язык, свою национальную культуру» [10].

Усиливающийся процесс культурной ассимиляции, обусловленный совместным проживанием с другими народами в локальных поселениях, приводит к исчезновению не только генофонда, но и языка и культуры отдельных народов, но относительно малочисленных дагестанских этнических общностей можно констатировать, что такой ситуации в районах их проживания не существует. Хотя, с оговоркой, можно говорить о культурной ассимиляции, индикатором которой является рост числа лиц, считающих родным не язык своей этнической общности, а другой язык, которым они владеют, а также отсутствие обучения на родном (национальном) языке. И такая картина характерна не только для малочисленных народов, но и для более крупных дагестанских народов.

Примечания:

1. *Аксюмов Б.В.* Вектор идентичности современной России в контексте проблемы конфликта цивилизаций // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 21.
2. *Шадже А., Шедужен Э.* Северокавказское общество: опыт системного анализа. М.; Майкоп, 2004. С. 125.
3. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 30.
4. *Делокаров К.* Малые народы Северного Кавказа в условиях глобализации // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 3. С. 177.
5. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1999. С. 115.
6. *Карпов Ю.Ю.* Судьба малых народов Дагестана в контексте социально-политических процессов // Этнические проблемы национальных отношений. Владикавказ, 1992. С. 121.
7. *Ибрагимов М.Р., Лугуев С.* Андо-цезы: вчера, сегодня, завтра // Возрождение. 1995. № 5. С. 80.
8. *Степанов В.В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 107.
9. *Мусаев Г.* Цахуры. Историко-этнографическое исследование XVIII – XIX вв. Махачкала, 2009. С. 10.
10. *Лазарева Л.* Цунта – страна нетающих снегов // Дидойские вести. 2008. № 1 – 2. 15 янв. С. 4.